

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: 100 ЛЕТ НАЗАД

В.П. Булдаков

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК МЕРИЛО
РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА**

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Эпоха Просвещения подарила миру невиданное дотоле представление: человеческое благополучие и процветание лежат в будущем, а не в утраченном «золотом веке». И зависит оно, прежде всего, от развития производительных сил. Вместе с тем старое как мир насилие неожиданно показалось – и отнюдь не только Карлу Марксу – «повивальной бабкой прогресса».

Представления о том, что война приведет к прогрессу экономики, сформировались в Англии во времена войны с Наполеоном. Логика «прогресса» подспудно деформировала человеческую мораль. И Жозеф де Местр, полагавший, что сама человеческая история постоянно требует кровавого жертвоприношения, и Генрих фон Трейтшке, утверждавший, что война – это единственное средство, исцеляющее народы от болезней и пороков «застоя», и даже Фёдор Достоевский, писавший, что война призвана «освежить воздух, которым мы дышим и в котором мы задохались, сидя в немощи растряпанности и в духовной тесноте»¹, были людьми той самой эпохи, которая шаг за шагом готовила собственное крушение. Сегодня об этом почти забыли, хотя в свое время прозвучали предупреждения о том, что «дух современной цивилизации представляет собой отнюдь не “прогресс” ...а *упадок*», который «привел к господству слабых над сильными, расчетливых над благородными, количеств над качествами»². Люди платят не столько за собственное недомыслие, сколько за беспамьятство.

---

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 25. Дневник писателя за 1877 год. Январь–август. – М., 1983. – С. 95.

2. Шелер М. *Ресентимент в структуре моралей*. – СПб., 1999. – С. 204.

Как бы то ни было, уже целое столетие Первая мировая война обычно рассматривается как тотальное несчастье, обрушившееся на европейский мир по непонятным причинам. Этому способствовали представления о том, что «при современном характере международных экономических связей война никак не может считаться способом достижения каких-либо разумных хозяйственных целей...» При этом оставалось только недоумевать по поводу «повального заразительного безумия», вызвавшего войну³. Действительно ее начало было встречено вступающими в нее народами с особыми надеждами: война должна была «оживить» не только общественную ткань, но и экономическую жизнь. «...Эта война, так или иначе дав выход силам прошлого, начнет новое будущее»⁴, – писал В.И. Вернадский.

За подобными представлениями стояла своеобразная традиция морального самовнушения. Длительное время целый ряд авторов доказывал, что отсталая российская экономика в наименьшей степени пострадает от войны⁵. Человек способен сделать добродетель не только из нужды, но и из несчастья. В 1914 г. вновь зазвучали заявления о том, что для России длительная война не так опасна, как для Германии⁶.

На этом фоне уходили на задний план прежние опасения. А их было немало. Так, незадолго до войны министр А.В. Кривошеин в специальной записке для Министерства земледелия отмечал, что предыдущее развитие России к началу XX в. «едва не завершилось общим экономическим кризисом» и, «если все останется в прежнем положении, ...то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем»⁷. Люди, близкие к верхам, считали, что «в последние пятьдесят лет перед войной Россия была тяжким хроником, хотя казалась здоровой и сильной»⁸, а ее армия не была готова к войне по причине «громадности и тяжеловесности бюрократической машины мирного времени»⁹. Оставляло желать лучшего и состояние быстро, но бессистемно

---

3. Слонимский Л. Что нужно было Германии? // Вестник Европы. – 1914. – № 12. – Декабрь. – С. 292.

4. Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны. – Пг., 1915. – С. 67.

5. См.: Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. – М., 1917. – С. 11, 13, 16, 25.

6. Огановский Н. Организация общественных сил // Северные записки. – 1914. – Август-сентябрь. – С. 64.

7. Цит. по: Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. – СПб., 2013. – С. 349.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 91.

9. Там же. – Л. 95–96.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

развивающейся экономики, опутанной массой бюрократических «пут»¹⁰. Указывали, что синдикаты «Продамет» и «Продуголь» так завышали цены на производимую продукцию, что выгоднее было закупать материалы за границей¹¹.

В настоящее время подобные предупреждения забываются. Существует представление, что Россия была готова к войне и / или успела быстро мобилизовать ресурсы для победоносного ее завершения¹². Получается, что революцию 1917 г. подготовили «заговорщики» – начиная с членов великокняжеской семьи и кончая зловредными социалистами¹³. По сути дела это воспроизведение некоторых безответственных «оптимистичных» прогнозов начала войны¹⁴.

Нельзя сказать, чтобы такие представления были уникальными. Все европейские народы жили перед войной с ощущением необходимости избавления от препятствий, мешающих успешному движению вперед. Отсюда миф об «освободительной» войне, надежды на «чудо» мгновенного решения всех проблем. Причины такого состояния умов сегодня понятны. Сам этот Просвещения, в котором обольщение промышленно-технологическим «прогрессом» все основательнее отодвигало на задний план вопрос о его человеческой цене, подталкивал к решительному устранению последних препятствий на его пути. Ситуацию обострял и внешне незаметный, но социально-психологический фактор: демографический бум повлек за собой «омоложение» населения – соответственно возрос уровень адреналина в социальной среде. Между прочим, в Совете министров Российской империи в начале 1914 г. вынуждены были заговорить о невиданном феномене – сельском хулиганстве, отмеченном «бесцельностью наносимого вреда и отсутствием прямой выгоды» в качестве побуждения к действию¹⁵. Но этой стороны «прогресса» не замечали. «Конец XIX и особенно начало XX века в истории естествознания является эпохой катастрофического изменения, эпохой

---

10. Озеров И.Х. *На Новый путь! К экономическому освобождению России.* – М., 1915. – С. 287.

11. Дмитриев И.С. *Бензольное кольцо Российской империи. Создание коксобензольной промышленности на юге России в годы Первой мировой войны.* – СПб., 2005. – С. 13.

12. *Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г.* – М., 2011. – С. 7.

13. Никонов В.А. *Крушение России. 1917.* – М., 2011. – С. 474–550.

14. См.: Розанов В.В. *Война 1914 года и русское возрождение.* – Пг., 1915.

15. *Особый журнал Совета министров № 6 от 9 января 1914 г. По вопросу о мерах борьбы с хулиганством в сельских местностях // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год.* – М., 2006. – С. 42.

величайшей научной революции»¹⁶, – считал В.И. Вернадский. В условиях массового самообольщения избежать мирового конфликта становилось все труднее.

Очень многие вкладывали в войну *экономически освободительный* характер. Это соответствовало всеобщим лозунгам борьбы за *свободу*. Предполагалось, что Россия «очистится» войной, избавится от всевозможных врагов – в том числе и внутри ее.

Люди все болезненнее ощущали, что российская власть ориентирована на «застой», а не на будущее, исходя из психологии *стабильности*, а не прогресса. Экономическая политика была пассивно-охранительной. Как результат, промышленность не была приспособлена к работе в экстремальных обстоятельствах. Победить в будущей войне рассчитывали исключительно за счет запасов мирного времени. Между тем в ресурсном отношении накануне тотальной войны ситуация в России была противоестественной: значительное количество стратегического сырья ввозилось из-за границы.

Естественно, хозяйственной пассивностью России пользовались иностранные предприниматели. В ответ российские «патриоты» принялись всячески поносить «немцев». Строго говоря, рассчитывать на модернизационный рывок на автохтонной базе вообще не приходилось. Но можно ли было добиться экономического прогресса, добавляя к множеству существующих социальных ограничений запрет по этническому принципу?

В сущности, проблема «возрождения экономики» России сводилась к задаче соединения теории с практикой. По уровню развития фундаментальной науки Россия не отставала от Запада. В.И. Вернадский надеялся, что война создаст новую ситуацию: решающее значение приобретет соперничество между нациями в области изучения и использования собственных природных богатств и производительных сил. В январе 1915 г. он выступил с предложением о создании Комиссии по изучению естественных производительных сил страны – КЕПС. В феврале 1915 г. Академия наук готова была отказаться от «чистой» науки. Вернадский призывал к мобилизации ученых-естественников и даже гуманитариев, по примеру инженеров, химиков, врачей и бактериологов, для работы на нужды обороны¹⁷.

Но все это походило на благие намерения, а не на конкретные планы. Правда, академик А.Н. Бах утверждал: «Несмотря на ужасный кризис, вызванный мировой войной, число научных сообщений увеличилось по сравнению с довоенными годами. Возможно это связано с тем, что в моменты катастроф люди обращают свои взоры к постоянным ценностям, а наука одна

---

16. Вернадский В.И. *Война и прогресс науки*. – С. 68.

17. Вернадский В.И. *Очерки и речи*. Т. 1. – Пг., 1922. – С. 131–132.

из самых верных»¹⁸. Но в целом инновационные инициативы терялись на фоне растущих упований на власть. В начале войны в Москве возникло Общество экономического возрождения России, тут же поддержанное газетой «Новое время», рьяно проводящей антинемецкую линию. Но ее сторонники рассчитывали, главным образом, на поддержку правительства, а апелляция к «купечеству, которое должно стряхнуть с себя вековую лень, бросить привычку стричь купоны с процентных бумаг, а помещать свои капиталы в дело», носила характер обычной риторики. То же самое можно сказать о надеждах на «помощь всего русского населения в виде бойкота всего немецкого»¹⁹.

Идея «экономического возрождения России» была частью неославянофильской утопии того времени. Неслучайно некоторые уверяли, что «возрождение России» – это «проснувшийся Илья Муромец»²⁰. Сомнительно, что подобную риторику можно было перевести в практические дела: российские предприятия попросту не могли обеспечить надлежащий уровень производительности производственного процесса²¹. Неслучайно в частной переписке идея экономического возрождения России связывалась со «слабыми потугами москвичей», которые скоро «будут раздавлены мощной ногой из Петрограда» (который, естественно, считался форпостом немецкого влияния)²².

По словам выдающегося ученого В.Н. Ипатьева, в России не было правительственного органа, «который направлял бы развитие различных отраслей промышленности сообразно нарастающим потребностям страны... В особенности в Министерстве торговли и промышленности были скудны сведения относительно нашей химической промышленности, которая, впрочем, была к тому времени в самой начальной стадии своего развития». Не было общего плана по строительству новых заводов, господствовало «слишком формальное отношение к делу», отсутствовала «живая творческая работа»²³. Сказывалось и то, что после печального опыта Русско-японской войны власть упорно настаивала на первостепенной реализации маринистских программ, ошибочно рассчитывая на то, что грядущая война закончится взаимоуничтожением

---

18. Бах Л.А., Опарин А.И. Алексей Николаевич Бах. Биографический очерк. – М., 1957. – С. 97.

19. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1950.

20. Там же. – Д. 997. Л. 1695а об.

21. Дмитриев И.С. Указ. соч. – С. 16.

22. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1933.

23. Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. – Пг., 1921. – С. 3–4.

британского и германского флотов²⁴. И все это происходило, несмотря на то что общественность не упускала случая указать власти на ее промахи. Между тем в Германии, благодаря деятельности Фрица Хабера, было оперативно налажено производство азота на имперских заводах²⁵.

В России соединения «капитала ума и капитала денег» не получалось. Правда, из Киева сообщали, что там, благодаря агитации экономистов, «затевадается освобождение от немцев в области химической промышленности», но уверенности в успехе этого начинания не было²⁶. Идея «американизации» предпринимательства, получившая заметное распространение в противовес былому подражательству Германии, также не прививалась. Протекционистские формы государственного индустриализма по-прежнему развращали, «национальная модель» капитализма, ориентированная на англо-французское научное сообщество, не складывалась.

Социокультурные причины отставания России были у всех на устах. Среди них называли российскую пассивность и нерасторопность. Все это считалось результатом затянувшегося крепостничества. Известный экономист, член Государственного совета И.Х. Озеров считал, что до сих пор «никакой мы политики не проводили: мы одно знали – выжимать деньги из населения, выжимать всеми средствами»²⁷. В общем, даже благонамеренные люди начинали мыслить не только в «освободительном» но и «революционном» ключе: война призвана осуществить некий переворот в экономике. Рядом с рассуждениями Озерова можно поставить заявление, принадлежавшее неустановленному российскому социалисту: «Догма экономически-автоматического прогресса будет окончательно сдана в архив»²⁸.

* * *

Война сразу же принесла неожиданность. В августе 1914 г. российских предпринимателей охватила настоящая паника: зависимость России от промышленно-технологического импорта оказалась настолько велика, что, казалось, о модернизационном рывке можно было забыть. Что же мешало инно-

---

24. Шаццлов К.Ф. Корни кризиса вооружений Русской армии в начале Первой мировой войны // *Первая мировая война: Пролог XX века.* – С. 558–561.

25. Шелези-Янце М. Консультант, агент, бизнесмен? Фриц Хабер, фирма BASF и государственная политика Германии в области производства нитросоединений в ходе Первой мировой войны // *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны.* – СПб., 2007. – С. 391–411.

26. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2218.

27. Озеров И.Х. Указ. соч. – С. 322.

28. Подвергшееся перлюстрации письмо было отправлено 2 ноября 1914 г. из Иркутска С.И. Лагунову в Харьков. – См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 13.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

вазиям? Только ли пресловутая «русская лень», помноженная на бесхозяйственность и разгильдяйство?

Проблема экономической эффективности в России была напрямую связана с проблемой управления. Всякая патерналистская система тяготеет к использованию «методов» запрета, а не поощрения. В экстремальных условиях это не могло не сказаться. Требовалось экстренное принятие принципиально важных решений, но власть к этому не была готова. В свою очередь, «общественность» привыкла активизироваться по команде сверху. Положение усугубилась в связи с разделением управления империи на военную и гражданскую части. Должной координации между ними не было: управленческие импульсы со стороны императора были слабыми и невнятными. Как результат, Совет министров ощутил свое бессилие.

В правящих верхах основные надежды возлагались на государство и казенную промышленность, работающую на оборону. Считалось, что ее продукция обходится дешевле, чем частных предприятий. Но современные исследователи возражают, указывая, что в себестоимость продукции казенных заводов следует включать и общие государственные расходы на поддержание их жизнедеятельности²⁹. В любом случае вряд ли можно было рассчитывать на особую инновационную активность госсектора экономики. Так, на первый год войны внутри страны было заказано 8647 орудий, а произведено было лишь 88, т.е. 1% требуемого³⁰. Частично это было связано с непростительно медленной перестройкой производства.

Между тем в верхах разгорелся спор: каким должен стать новый оружейный завод – казенным или частным? Естественно, частные предприниматели всячески отстаивали свои интересы, указывая на пагубность насаждения казенных заводов. В результате согласованный план строительства новых военных заводов так и не был реализован. Власть все больше ориентировалась на заграничные заказы. Уже к октябрю 1915 г. обнаружилось, что производительность частных химических заводов возросла в 50 раз, тогда как казенных – всего вдвое³¹. Получалось, что рост производства взрывчатых веществ в России был связан главным образом с частным предпринимательством.

Как результат неудач в перестройке экономики, хозяйственные слабости России все чаще стали связывать со «злокозненностью» немцев. «Немецкое засилье» стали воспринимать как тотальную напасть. В частной переписке

---

29. Поликарпов В.В. *От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века.* – М., 2008. – С. 305.

30. Сидоров А.Л. *Экономическое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917).* – М., 1973. – С. 30–31.

31. Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. *Указ. соч.* – С. 21.

встречались размышления о том, что вездесущих немцев придется «выкуривать» из экономики России и после войны³². На этом фоне в образованном обществе расцветали надежды на то, что после войны наступит «година экономического расцвета и благополучия»³³. В низах подобные иллюзии воспринимали порой в чисто шовинистическом духе. Так, рабочие в борьбе против «немецкого засилья» принялись выявлять «вредителей» на производстве. Это вряд ли способствовало повышению его эффективности.

В правительственных верхах то и дело возникала паника по самым различным вопросам. «Входим в сумасшедший дом, – заявлял А.В. Кривошеин 13 сентября 1915 г. – ...Трагизм разновластия. Бедлам». «Анархия в экономической и правовой жизни страны», – вторил ему министр Щербаков. Через десять дней он же отмечал «хаос на железных дорогах» и повсеместную опасность голодных бунтов, бессильно констатируя, что «бедствует не только столица, но и легион уездных городов». 2 декабря 1915 г. Кривошеин повторился: «Сплошное безумие, бедлам»³⁴. Это было связано с тем, что «метод запретов» распространился на губернский уровень. Известный правый публицист Л.А. Тихомиров записывал в дневнике 6 марта 1915 г.: «Губернаторы наиболее хлебных губерний воспретили вывоз. Если это продержится – Москве грозит голод»³⁵. 15 ноября 1916 г. князю Д.Н. Святополк-Мирскому писали из Тульской губернии: «...Россия была бы сыта и обеспечена всем необходимым..., если бы только правительство проявило больше скромности и уважения к экономическим законам. Вместо этого оно бросилось хозяйничать, запрещать и приказывать и создало в короткое время тот голод среди изобилия...» Но виноватым признавалось не только правительство. Признавалось, что «общественное мнение ужасно любит реквизиции, конфискации и вообще всю эту область»³⁶ – можно сказать, что в обществе существовало своего рода «антимодернизаторское» поветрие.

* * *

Конечно, сказывалось историческое своеобразие хозяйственного существования империи. Экономика России была многоукладной, но основная причина хозяйственных неурядиц была не только в этом. Строго говоря, всякая экономика многоукладна, другое дело – связи между укладами. Если они

32. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1556.

33. Там же. – Д. 998. Л. 1709.

34. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. (Записи заседаний и переписка.) – СПб., 1999. – С. 271–272, 277, 284.

35. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. – М., 2008. – С. 46.

36. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1104.

блокируются бюрократией, замыкающей естественный продуктообмен на себя, если они сдерживаются хозяйственной замкнутостью наиболее архаичных укладов, если, наконец, в низах нет гражданского понимания общего хозяйственного блага, в экстремальных обстоятельствах многоукладность может обернуться «многоконфликтностью» – войной всех против всех. Между тем хозяйственные уклады в годы войны неуклонно «разъезжались». Эта опасность усугублялась спецификой российской финансовой системы.

Предвоенный бездефицитный российский бюджет базировался на косвенном налогообложении, значительную часть которого составляли акцизы, признаваемые «несправедливыми». Жесткий «золотой стандарт» обеспечивал приток иностранных капиталов. С другой стороны, преобладание экспорта (главным образом сельскохозяйственного) над импортом создавало положительное внешнеторговое сальдо. Таким нехитрым способом создавался «золотой мост», по которому шли средства для индустриализации. Но он мог действовать только в мирных условиях. В экстремальных ситуациях империя могла превратиться в должника более развитых стран. Введение сухого закона усугубило финансовое положение.

Экономические последствия войны для современников были очевидны. Считалось, что финансовые расходы легче будет покрыть промышленно развитым странам, однако война окажет не столь разрушительное действие на народное хозяйство менее развитых стран³⁷. «Оптимизм» верхов подкреплялся представлением, что война окажется скоротечной, накопленный мирного времени для ее победоносного завершения будет достаточно. Неслучайно к мобилизации всех ресурсов страны правительство приступило лишь спустя год после начала военных действий. Как позднее отмечал В.Н. Ипатьев, «еще никто не верил, что Россия действительно вовлечена в мировую войну, а уже во всей наготе обрисовалась полная катастрофа со снабжением миллионной армии боевыми припасами»³⁸. Как результат, правительство стало интенсивно и нерасчетливо наращивать закупки за границей.

Уже к осени 1914 г. обнаружилась нехватка винтовок. Для исправления положения пришлось и здесь прибегнуть к поставкам. В конечном счете сложилась следующая картина. В 1914–1917 гг. русскими заводами было изготовлено и отремонтировано 3576 тыс. винтовок, а из-за границы за это же время получено 3713 тыс. винтовок – французских, японских, американских и даже итальянских. На вооружении Русской армии оказались винтовки десяти различных систем, включая устаревшие однозарядные, поставляемые

---

37. Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // *Вопросы мировой войны*. – Пг., 1915. – С. 259–260.

38. Цит. по: *К 35-летию научной деятельности В.Н. Ипатьева*. – Л., 1929. – С. 47.

союзниками. При этом недостаток винтовок сохранялся³⁹. Справедливости ради следует сказать, что нехватку стрелкового оружия ощутили и в Германии. Но там проблема была решена путем раздачи производства отдельных частей ружья частным заводам⁴⁰. В России такое было невозможно – подобные заказы попросту негде было размещать. Доходило до парадоксов: патроны к японским винтовкам «Арисака» производили и поставляли англичане. В конечном счете более половины винтовок, которыми воевали русские солдаты, было произведено за границей. С пулеметами «Максим» были свои сложности: производить их мог только Тульский завод.

Нынешние «патриоты» с гордостью заявляют, что «в 1916 г. по сравнению в начале войны производство пулеметов выросло у нас в 16 раз, легких орудий – в 9 раз, трехдвоймовых снарядов – в 16 раз и т.д.»⁴¹. Непонятно, откуда взялась и на кого рассчитана подобная «валовая» статистика, словно скопированная с методов демонстрации «достижений» застойных советских времен. Следовало бы все же исходить из потребностей фронта, где пулеметов по-прежнему не хватало. В действительности, Россия с 1915 по 1917 г. увеличила выпуск пулеметов только в 2,7 раза, Германия – почти в 13, Франция – в 5, Англия в 13 с лишним раз, причем во всех армиях исходный базис был значительно выше, чем в России, а численность армий меньше⁴². На деле в России производство собственных вооружений росло не столь быстро, как зависимость от союзнических поставок.

«Окончательно отдаемся в руки добрых союзников, – иронизировали в Совете министров в марте 1916 г. – Переходим из огня в полымя, из немецкого экономического засилья в английское»⁴³.

Теперь требовались закупки того, что имелось в стране в изобилии, например серного колчедана, исходного продукта для производства серной кислоты, без которой невозможен выпуск взрывчатых веществ. Возникли и «странные» нужды. В апреле 1915 г. американская промышленность получила из России заказ на производство 400 тыс. пехотных топоров и 600 тыс. киркомотыг⁴⁴.

Для растущих заказов за рубежом требовались все более значительные суммы. В июне 1915 г. министр финансов П.Л. Барк признал: «Надо ждать

39. Марков О.Д. *Русская армия 1914–1917 гг.* – СПб., 2001. – С. 247.

40. Свечин А.А. *Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война.* – М., 2009. – С. 77.

41. *Россия и Великая война.* – С. 22.

42. Маевский И.В. *Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны.* – М., 2003. – С. 42.

43. *Совет министров...* – С. 325.

44. Маевский И.В. *Указ. соч.* – С. 55.

крушения финансовой системы»⁴⁵. Начальник снабжения армии генерал А.А. Маниковский со своей стороны пришел к выводу, что деньги, израсходованные на экспорт, эффективнее было потратить на развитие отечественной промышленности. В результате, затратив более 300 млн руб. на иностранные автомобили, в ноябре 1915 г. решили развивать их отечественное производство⁴⁶. Если учесть, что славянофильствующие публицисты еще ранее требовали начать выработать «весь спектр необходимых для населения товаров, не вывозить одно сырье»⁴⁷, то придется признать, что такие предложения несколько запоздали. Зависимость от заграничных поставок возмущала даже сервильных правых деятелей. В начале ноября 1916 г. крайне правый политический деятель, националист Н.Н. Тиханович-Савицкий писал из Астрахани другому националисту П.Ф. Булацелю о том, что надо «немедленно приступить к спешному сооружению заводов, которые ко времени мирных переговоров вполне бы обеспечили Русскую армию орудиями, снарядами, автомобилями ...и поставили бы ее в полную независимость от союзников и от нейтральных держав»⁴⁸.

Естественно, в этих условиях всякие надежды на модернизацию российской экономики рассеивались как дым. К тому же теперь война требовала не просто наращивания новых вооружений. Даже в технологически передовой Германии в 1916 г. ощутили, что война перешла в новую стадию, «фронт превратился в пылающий котел, который нужно было поддерживать в рабочем состоянии». Однако разработка вооружений все еще «отставала от технического прогресса»⁴⁹. В России об этом не приходилось и мечтать.

Если во Франции в августе 1914 г. по инициативе министра народного образования П. Панлеве был создан комитет, а затем Министерство изобретений, а в Англии в рамках образованного в 1915 г. Министерства снабжения действовал особый Департамент изобретений, то в России патенты по-прежнему выдавались Комитетом по техническим делам Отдела промышленности Минторгпрома. Когда 1–3 октября 1916 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский съезд по изобретениям, созданный по инициативе деятелей Военно-промышленного комплекса, а отнюдь не правительства, то докладчики вскрыли совершенно безнадёжную картину. «Война, – констатировал заместитель председателя Московского областного ВПК С.А. Смирнов, –

---

45. *Совет министров...* – С. 186.

46. Маниковский А.А. *Указ. соч.* – С. 248.

47. Девонисский Э.М. *Экономические задачи России, вызванные настоящей войной* // *Новое звено.* – 1914. – № 43. – 18 октября. – С. 5.

48. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 976а.

49. Юнгер Э. *Националистическая революция. Политические статьи. 1923–1933.* – М., 2008. – С. 34.

с полной очевидностью обнаружила нашу некультурность и нашу отсталость в технике... Интересы изобретателей предметов *именно военного характера* недостаточно отражены нашим законом... К факторам, тормозящим дело изобретений в России, относится и та канцелярщина, волокита и неурядица, которые составляют отличительные черты наших официальных петербургских учреждений. Страдает русский изобретатель и от того, что Россия *до сих пор не примкнула к Международному союзу для защиты промышленной собственности*, к которому присоединились уже все большие государства Западной Европы...»⁵⁰

Как вели себя при этом российские промышленники? Некоторым удавалось использовать рыночную конъюнктуру. Так, Акционерное общество шоколадной, бисквитной, конфетной и макаронной паровых фабрик «Блигкен и Робинсон», преодолев кризис и расширив производство за счет недорогих товаров, к октябрю 1916 г. вдвое увеличило уставной капитал (с 1,6 млн до 3,2 млн руб.)⁵¹. Известно, что многие предприниматели жертвовали небольшие суммы на нужды армии. Но обычно это было всего лишь частью верноподданнического ритуала, не исключавшего азарт наживы. Перед войной, по свидетельству человека, приближенного к верхам, «солидные фирмы отказывались от поставок в армию из-за сложности правил», в результате чего сложился устойчивый слой посредников между предпринимателями и армией, которые, сговариваясь между собой, взвинчивали цены и «прибегали зачастую к неблагоприятным приемам»⁵². Были и другие способы использования ситуации. Так, К.И. Ярошинский получил в годы войны 400-миллионный кредит в Государственном банке на организацию военной промышленности, но потратил значительную часть этих денег на скупку десятков прибыльных сахарных заводов⁵³. В правительственных верхах говорили: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно»⁵⁴. Следует отметить, что, например, французские предприниматели тоже не чурались наживы. Но прежде чем сколотить состояние, они завоевывали репутацию, добываясь особо сложных заказов и выполняя их в срок⁵⁵.

---

50. Цит. по: Дмитриев И.С. Указ. соч. – С. 17–18.

51. Барышников М.Н. Деловой мир дореволюционной России: Индивиды, организации, институты. – СПб., 2006. – С. 204.

52. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 11.

53. См.: Фурсенко А.А. Конец «русского Вандербильта» // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. – СПб., 1999. – С. 333–337.

54. Совет министров... – С. 119.

55. Так, к примеру, А. Ситроен обеспечил производство шрапнелей «без единого процента брака». См.: Игнатьев А.А. Роковые дни. 50 лет в строю. – М., 2013. – С. 354–358.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Предприниматели реагировали соответственно. В 1915 г. известный предприниматель В.В. Жуковский так отзывался о сотрудничестве с правительством на «экономической почве»: «Концепция эта, казавшаяся... правильной, жизнью была опровергнута. Жизнь показала, что страна по этому пути не пойдет...»⁵⁶. В таких условиях в верхах укреплялось представление, что достаточно установить контроль над распределением металла и топлива, их отпуском по фиксированным ценам, как исчезнет спекуляция и диспропорция между спросом и потреблением⁵⁷. Из провала одних иллюзий выросли новые.

* * *

Постепенно война больших сражений превращалась в войну на истощение. Как ни парадоксально, здесь Россия проиграла, хотя в 1915 г. экономисты уверяли, что российский народно-хозяйственный организм «почти не чувствует» влияния войны⁵⁸. Действительно, продовольствия в стране хватало. Однако слабости управления губительно сказались и на без того слабой инфраструктуре народного хозяйства.

Правительство пыталось модернизировать железнодорожное сообщение с учетом военно-экономических потребностей с 1912 г. Наиболее ощутимым позитивным результатом деятельности в этом направлении можно считать строительство Мурманской железной дороги. Но в целом к середине 1916 г. в общественном мнении сложилось представление, что железные дороги России находились в состоянии кризиса. При этом отмечали, что сеть не несла достаточной нагрузки; доставка товаров страдала от постоянных заторов, а задержки пассажирских поездов сделались нормой. Тем не менее железнодорожное ведомство стало признавать критику в свой адрес только к началу 1917 г.⁵⁹

Еще в ноябре 1914 г. из действующей армии жаловались, что на железных дорогах творится «настоящий грабеж, не только развито взяточничество с поставщиков со стороны железнодорожных служащих, сговорившихся с железнодорожным комендантским персоналом, но и развито воровство

---

56. Цит. по: Барышиников М.Н. Указ. соч. – С. 406.

57. Маевский И.В. Указ. соч. – С. 200.

58. Туган-Барановский М.И. Указ. соч. – С. 321.

59. Хейвуд Э. Железные дороги России во время Первой мировой войны, 1914 – февраль 1917 г. // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. Материалы Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». 26–27 мая 2010 г., Москва. – М., 2011. – С. 125.

пересылаемых вещей...»⁶⁰. Со временем положение ухудшилось. 21 декабря 1916 г. министру А.В. Кривошеину писал из Перми – одного из центров оборонного производства – руководитель предприятия, на котором было занято 20 тыс. рабочих: «Слишком... медленно мы идем. Здесь на Урале, который... дает почти треть государственной обороны, это особенно ясно. Здесь и половина не делается того, что должно быть сделано... Главное – нет плана... нет предвидения...» В результате, отмечал он, возник «паралич перевозок»: «рожь и пшеница не доходят до мельниц, ...горючее не попадает к домне...» В конечном счете прекратится выплавка чугуна, не будет железа и стали для снарядов и пушек. Автор письма считал, что все это вызвано «чрезмерной централизацией распоряжений». Положение казалось ему безвыходным: «остаётся только надежда на Николая Чудотворца»⁶¹.

В целом к 1917 г. выяснилось, что российская власть предстает беспомощной, когда речь заходит об отыскании хозяйственных стимуляторов внутри страны. Налицо был врожденный порок государственной производственно-распределительной политики. Особенно это сказалось на продовольственных поставках. Поскольку не было выработано общего, детально проработанного плана снабжения армии, запасы продовольствия расходовались быстро. Во второй половине ноября 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом А.А. Брусилов в телеграмме министру земледелия А.А. Риттиху жаловался, что «крайнее однообразие пищи действует угнетающе на людей»⁶².

Повторимся: продовольствия в стране хватало. «В деревне сейчас хлеба много, на базарах всегда много мяса, птицы и хлеба», – сообщали из Саратовской губернии в ноябре 1916 г. Отмечали только нехватку сахара и керосина⁶³. Впрочем, деревню больше будоражил другой вопрос – «несправедливые» цены, по которым с конца 1916 г. выплачивались деньги за реквизируемые продукты.

О последствиях такого положения предупреждали. Порой для его исправления рекомендовались радикальные меры. Так, из столицы сообщали, что «надежд на упорядочение дела продовольствия тыла никто не питает и воз, вероятно, останется на месте, пока за дело не возьмутся крутыми и радикальными мерами». В связи с этим «полезнейшею мерою», помимо арестов и всякого рода спекулянтов, считалась конфискация нажитых «мародерами тыла, не исключая сановных», денег и драгоценностей⁶⁴. Но все чаще обви-

60. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 47.

61. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1736.

62. Цит. по: Сербин А.И. Первая мировая война. Россия накануне и в годы войны (1914–1918 гг.). – Омск, 2009. – С. 31.

63. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1081.

64. Там же. – Л. 1093.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

няли правительство. Из далекой Читы в ноябре 1916 г. сообщали: «Пока правительство разбирается в том, кому из министров отдать продовольственное дело, общая разруха еще более увеличится и вспыхнет революция, превосходящая 1905 г. Страшная дороговизна совершенно не по силам бедноте. Отношения между имущими и неимущими обостряются с каждым днем»⁶⁵.

Однако ситуация вряд ли поддавалась исправлению. В начале февраля 1917 г. в частной переписке можно было встретить такое мнение о положении дел с продовольствием: «В то время, когда в Сибири гниют 4 миллиона пудов мяса, в черноземных губерниях гниют миллионы пудов ржи и пшеницы, а в самой Москве на Виндавском вокзале сгнили два миллиона яиц, народ первопрестольной нуждается в корке даже черствого хлеба». Автор письма видел причину в том, что Министерство внутренних дел враждует с Министерством земледелия, а оба министерства дружно выступают против общественных организаций, пытающихся решить продовольственную проблему⁶⁶. Из самой Москвы в это же время жаловались, что «миллионы пудов говядины в Сибири гниют, в Астрахани рыба тоже, а у нас ничего нет»⁶⁷. Из Чернигова – края отнюдь не обиженного продовольствием – между тем сообщали, что «сотни тысяч пудов муки гниют на станциях Круты, Бахмач и Конотоп»⁶⁸.

Казалось, что в чисто военном отношении ситуация медленно выравнивалась. Это было связано с увеличением оснащенности армии простыми видами вооружений. Однако качественного обновления экономики не происходило. Кроме того, состояние инфраструктуры грозило срывом поставок не только гражданского, но и военного назначения. Этой опасности не замечали, а потому к концу 1916 г. в верхах появилось убеждение, что Россия может вести наступательные действия.

И сегодня некоторым кажется, что Россия была в двух шагах от победы. На деле боеспособность армии зависела не только от ее «духа», о чем твердили российские «патриоты», но и от способности быстро обновлять военную технику. Не учитывалось также, что «военное оснащение в гораздо большей степени, чем раньше, опиралось на всеобщую готовность рабочих поставлять энергию для бесперебойного снабжения войск». Впрочем, мало кто понимал тогда это в полном объеме и в других странах⁶⁹. Другое дело, что наличие гибкой экономики помогало своевременно исправлять положение.

---

65. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 955.

66. Там же. – Д. 1070. Л. 29.

67. Там же. – Д. 1071. Л. 16.

68. Там же. – Л. 26.

69. Юнгер Э. Указ. соч. – С. 239–240.

В 1916 г., который для русских армий считался успешным, на русском театре военных действий с начала «Брусиловского» наступления в конце мая и до конца года потери Германии и Австро-Венгрии составили: убитых – 73 916, раненых и контуженных – 412 014, пропавших без вести – 415 894, всего – 911 842 человека. За это же время Россия потеряла: убитыми – 262 764, ранеными и контуженными – 1 562 890, пропавшими без вести – 214 607, а всего – 2 040 261 человек⁷⁰.

В российских верхах не замечали, что империи выгоднее обороняться, ибо она по-прежнему не располагает новейшими наступательными видами вооружений. Не замечали и особенно опасного в условиях тотальной войны разрыва между индустриальным и аграрным секторами экономики. Бюрократы как всегда упивались магией валовых показателей, «ведомственное мышление» противостояло системной оценке ситуации. Еще в 1915 г. либеральные авторы писали, что «главное и наиболее существенное условие экономического прогресса заключается в установлении возможности подымать технику и развивать культуру среди населения...»⁷¹. Бюрократия этого не замечала. А тем временем народ устал от тягот войны и окончательно разуверился во власти.

Программа «спасения страны от экономической катастрофы», выдвинутая большевиками после взятия власти, была, в сущности, доведением до логического конца «модернизационных» планов, высказанных их противниками. Национализация ряда отраслей промышленности, принудительное синдицирование предприятий, контроль государства над промышленностью и банками – все это, так или иначе, предлагалось ранее. Большевики следовали за императивами своей эпохи. И эта утопия также обернулась большой кровью.

Человеку свойственно самообольщаться. «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья век», – восклицал когда-то А.С. Пушкин. Почти за 40 лет до Первой мировой войны Ф.М. Достоевский предупреждал, что «буржуазный долгий мир... в конце концов всегда почти зарождает сам потребность войны из-за новых рынков, нужных эксплуататорам... – словом из-за причин, не оправдываемых даже потребностью самосохранения...»⁷². Россия, последовав за «буржуазным миром», обрекла себя на революцию. Последнюю можно рассматривать как самую большую человеческую иллюзию, порожденную мировой войной.

70. Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. – М., 2006. – С. 45.

71. Фридман М.И. Война и государственное хозяйство России // Вопросы мировой войны. – С. 397.

72. Достоевский Ф.М. Указ. соч. – С. 102.

Литература

1. Барышников М.Н. Деловой мир дореволюционной России: Индивиды, организации, институты. – СПб.: «Книжный дом», 2006. – 412 с.
2. Дмитриев И.С. Бензольное кольцо Российской империи. Создание коксобензольной промышленности на Юге России в годы Первой мировой войны. – СПб.: Изд-во СПбИИ РАН; «Нестор-История», 2005. – 61 с.
3. Игнатьев А.А. Роковые дни. 50 лет в строю. – М.: Вече, 2013. – 494 с.
4. Ипатьев В.Н., Фокин Л.Ф. Химический комитет при Главном артиллерийском управлении и его деятельность для развития отечественной химической промышленности. Ч. 1. – Пг.: Науч. хим.-техн. изд-во, 1921. – 79 с.
5. Озеров И.Х. На Новый путь! К экономическому освобождению России. – М.: Богуславский, 1915. – 336 с.
6. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Полторак, 2013. – 414 с.
7. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. – М.: Дело, 2003. – 392 с.
8. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. – СПб.: Галера Принт, 2001. – 122 с.
9. Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Отв. ред. Э.И. Колчинский и Д. Байрау. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 502 с.
10. Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. – М.: Цейхгауз, 2006. – 47 с.
11. Никонов В.А. Крушение России. 1917. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2011. – 550 с.
12. Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. Материалы Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». 26–27 мая 2010 г., Москва. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. – 559 с.
13. Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. – М.: Индрик, 2008. – 552 с.
14. Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. – М.: Дело, 1917. – 214 с.
15. Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 205 с.
16. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). – М.: Наука, 1973. – 239 с.
17. Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи. 1923–1933. – М.: Изд. группа «Скимен», 2008. – 362 с.